

Диана
Балыко

Любовь как...

Диана Балыко

Любовь как...

«АРДИС»

2018

Балыко Д.

Любовь как... / Д. Балыко — «АРДИС», 2018

«Поэт во мне говорит, что всем в мире управляет любовь. А психолог знает, что жизнью управляет либидо. Не то либидо, которое толкает нас на половые акты. А либидо в широком смысле. Либидо как экспансия. Желание распространить себя как можно на большую территорию. Захватить власть, деньги, умы и чувства других людей. И тогда нам покорятся самые красивые самки и достанутся самые сильные самцы...»

© Балыко Д., 2018

© АРДИС, 2018

Содержание

Введение	6
Любовь как испытание, или Гений и яйцеклетка	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Диана Балыко

Любовь как...

«Любовь моя – просто коллекция тайных молчаний...»

Фернандо Пессоа

Введение

Поэт во мне говорит, что всем в мире управляет любовь. А психолог знает, что жизнью управляет либидо. Не то либидо, которое толкает нас на половые акты. А либидо в широком смысле. Либидо как экспансия. Желание распространить себя как можно на большую территорию. Захватить власть, деньги, умы и чувства других людей. И тогда нам покорятся самые красивые самки и достанутся самые сильные самцы.

И все-таки любовь везде. В самые трудные минуты нашей жизни мы вспоминаем о любимых, а не о тех, кого ненавидим... У любви тысячи определений и миллионы лиц (правда, порой масок), личин, ролей, историй. Она то скрывается, то обнажается, то отдает нам себя. А мы не берем. Мы все время хотим другого. Неземного... Или слишком земного. Но не то, что есть.

А она стучится в наши двери, в наши сердца. Но мы не узнаем ее. Мы не находим для нее слов и определений. Любовь – в это слово вкладывают столько разных смыслов, что в итоге его смысл теряется.

Любовь – истрепанное слово, иероглиф, который выцвел на ветру.

Русский язык велик и могуч для всего, кроме любви. В русском нет любовного телесного дискурса. У русской любви нет тела, а значит, нет секса. Русская телесность либо матерна, либо анатомична. А любовь не может быть только романсом или сериалом. Она хочет обрести форму, телесность. Но для этого в русском нет слов. В нем все слишком духовно. Или грубо. Русские писатели никого не любили, поэтому и не создали для нее язык. Они писали обо всем, кроме любви. Разве любовь – тема для серьезного мужика? Разве стоит на ней заморачиваться? Нет, конечно же. Это как-то немужественно. Писать о дуэлях – да! О лишних людях, о ссылках на Кавказ, о балах, об усадьбах, об охоте, о крепостных, о войне, о мире, о казаках, о тварях дрожащих и об имеющих право! О врачах, о революции, снова о войне, о непостижимой русской душе, о духовности, о дорогах и дураках, о том, что с первыми можно справиться с помощью асфальтоукладчика... А вот со вторыми – сложнее.

Любовь в литературе была лишь одной из линий, не главной. Четвертой. Или даже пятой. Как пятая стена в театре, где все, по мнению Станиславского, должно было происходить на заднем плане. А любовь не хотела быть на заднем плане. Она могла быть только первой или не быть нигде.

В мире, где детям закрывают глаза, когда на экране целуются, но разрешают смотреть на кровавые убийства, нет места любви. Но в этом мире бешеных скоростей, биржевых котировок, экономических кризисов, детских комплексов, взрослых фобий, очередных дефолтов и бесконечных неврозов главной потребностью остается невротическая потребность в любви.

Когда люди соприкасаются с чем-то действительно важным, непостижимым, настоящим, они пытаются это немедленно обесценить, упростить, осмеять. Замечали, как наша славянская женщина в ответ на искреннее восхищение: «Как вы прекрасны!», мимоходом бросает: «Ну что вы! Я просто голову помыла...»?

Так же и с любовью. Люди хотят любви, но отрицают само ее существование или путают ее с сексом. Или вместо того, чтоб наслаждаться любовью, заикливаются на страхе ее потерять и терзают себя ревностью. Или сгорают в конкурентной борьбе за первенство – за право быть первым у этой женщины, за право стать последней у этого мужчины...

Одному человеку достаточно просто любить. А второму важно быть любимым, третьему достаточно знать, что ты его любишь, четвертому обязательно нужно это слышать и видеть, пятому необходимы ежедневные доказательства любви, а шестому подавай жертвы во имя...

Русская любовь больше похожа на наказание, чем на дар. И закономерным исходом для любви, прошедшей все преграды, становится разлука навсегда. Такой хреновый климат в этих краях. Не приживается здесь любовь. Вот и сейчас. Погода прекрасная. А климат – хреновый.

Существуют правила дорожного движения, правила техники безопасности, даже правила безопасного секса... И конечно, каждый из нас придумывает всю свою жизнь правила любви. Но главное правило любви в том, что у любви нет правил...

Я наблюдала сотни историй любви. И чаще всего это были истории болезни. Некоторыми я поделюсь с вами. Не ищите совпадений в «Гугле» или «Яндексе». Фамилии изменены. Чувства сохранены. Все виновны. Перед собой. И перед любовью...

Любовь как... Ваша любовь как? Как зависимость или как свет? Как суть или как боль? Как радость или как наказание? Какова ваша любовь? Любовь как ежедневный труд? Как паранойя? Как испытание? Как разрушающая сила? Как вдохновение? Как откровение? Как слабость? Как мощь? Как наркотик?

Нужно разобраться с определением. Все то, что мы привыкли называть словом «любовь», на самом деле в психологии классифицируется как зависимость и привязанность. Человек в плане своих зависимостей существо фанатичное. Он то к сигаретам привяжется, то к водке, то к нафтизину, то к другому человеку.

А вот сама любовь – состояние безобъектное, про которое одинаково светло говорили и Христос, и Будда... Она как суть, как смысл, как сущность, как воздух, как желание жить и радоваться – совершенно естественная потребность каждого живого, мыслящего и чувствующего существа.

Любовь – это непостижимая способность спонтанно отдавать себя другому. Любить – значит находить в счастье другого собственное счастье.

И если вы способны отдавать свое сердце, то любовь превращается в танец. Танец, придуманный вами. И главное правило этого танца в том, что в нем нельзя совершить ошибку. Просто вы делаете шаг навстречу любимому, а любимый – шаг к вам. Или наоборот. Или же вы делаете два шага, а потом еще три. Или столько шагов, сколько вы захотите, сколько позволите себе. Ведь в танце любви нельзя допустить ошибку.

Любовь не прилетает, не сваливается, не обрушивается; она сидит в нас, всегда сидит и ждет, кто же ее выманит, ради кого мы разорвем грудную клетку и выпустим на свет пылающее солнце...

Любовь как испытание, или Гений и яйцеклетка

– Год у меня был тяжелый, – мрачно сказал Сергей. – Я не ел весь день.

– Хорошее начало. Запиши, – Галины глаза горели. Невозможно было понять, она издевается или восхищается искренне. С актрисами всегда так. Они постоянно в образе.

– Да, начало сильное, – абсолютно серьезно заметил Сергей и раскрыл блокнот.

Он всегда носил с собой небольшой блокнот и ручку. Иногда набивал заметки в мобильный. Но все-таки предпочитал по старинке, ручкой, в блокнот. Он любовался своим почерком. Галя перехватила его взгляд.

– Твой почерк меня завораживает. Эти нервные буквы... И то, как ты вскидываешь правую бровь, кусаешь губы... И то, как откидываешь прядь со лба... Это все еле уловимые признаки гениальности.

Сергей снисходительно улыбнулся. Конечно, Галя была дурой. Так он ее классифицировал в первый же день знакомства. В нехитрой классификации Сергея женщины делились на две группы: «Дуры» и «Невыносимые дуры». Галя была дурой выносимой. Во-первых, красивая. Во-вторых, фанатка Сергея. Вернее, наоборот. Во-первых, Галя обожала Сергея, съедала его глазами и недвусмысленно намекала на постель. А уж во-вторых, она была красива. Этих двух факторов было вполне достаточно, чтобы Сергей присмотрелся к Гале повнимательнее.

Драматург Сергей Рудаковский хотел ребенка. Уже давно. И сейчас он находился в поиске подходящей матери для воплощения его желания. Галя подходила по всем параметрам. Вот и сейчас она страстно буравила взглядом Сергея.

– Серж, твоя Анна в «Безумном ключе» словно списана с меня. Или написана для меня специально. Что, в принципе, одно и то же. Героиня переживает такой сложный внутренний конфликт. Это персонаж с «двойным дном». Я вхожу в роль и просто растворяюсь в ней без остатка. Мне так интересно существовать в этой пьесе.

Галя играла в двух спектаклях по пьесам Сергея. Играла хорошо. С чувством. В принципе, она все делала с чувством. И это вселяло в Сергея надежду на правильную компоновку генов у ребенка. Любит Сергея, красивая, служит в театре, все делает с чувством – ну где он еще такую найдет?

Сергею уже под сорок. И ему давно пора жениться. Он бы и сделал это еще лет пятнадцать назад, если бы не одно маленькое «но». Сергей был геем.

Гей и гей. Что такого? – спросите вы. В мире искусства это вообще ходовой тренд. Примета времени. Так-то оно так, если бы не еще одно маленькое «но». Сергея раздирало страшное противоречие: внутри него гений боролся с геем. Гению нужен был потомок – ребенок, чтобы продлить себя в нем и дать ему возможность наследовать авторское право на свои произведения в течение семидесяти лет после смерти. Гею ребенок был обузой.

– Знаешь, мы практически передрались в гримерке за роль Анны. Соболева уронила мой текст, я всем телом плюхнулась на него и закрыла.

– Ты не провалишь. Эта роль как раз для тебя, – мечтательно произнес Сергей, выпуская колечко дыма в потолок и грезя о Гале с большим животом, где в околоплодных водах скоро будет плескаться его будущее, его малыш.

Вставать к плачущему младенцу по ночам, ездить в супермаркет за памперсами и разбираться в молочных смесях в планы Сергея не входило. Для всего этого есть самка из биологического подвида «дуры выносимой».

– Понимаешь, Серж, они все так окрысились за то, что главный дал мне эту роль...

– Знаю, малыш, тебе будет непросто, – вслух размышлял Сергей, представляя себя папой выходного дня, приходящим по воскресеньям с подарками, гуляющим с сыном (нет, о дочери

не могло быть и речи!) в парке и объясняющим ребенку теорию большого взрыва в постмодернистской литературе.

– Серж, ты слышишь меня? – обиженно поджала губы Галя.

В этот самый момент Сергей набрал в легкие побольше воздуха, зажмурился, властно притянул Галю к себе за шею и поцеловал глубоким томным поцелуем, щекоча языком трепещущую диафрагму актрисы.

«А еще сплетничают, что гей», – промелькнуло в Галиной голове.

Сергей хотел прижаться к Гале как можно плотнее, чтобы вложить в свой поцелуй всю нежность и благодарность, которую он испытывал к матери своего будущего ребенка, но ему ужасно мешала Галина грудь. Эти визуально не раздражающие круглые крепкие четверки вдруг во время поцелуя показались Сергею невероятно большими, бессмысленными арбузами, мешающими диалогу волнующихся, влажных языков. Сергей вынул Галину правую грудь из глубокого декольте и капкана бюстгальтера, взвесил ее в ладони, подумал о том, сколько теплого, питательного молока со всеми необходимыми малышу микроэлементами поместится в этот бидон, и благодарно припал губами к соску.

– Все изгибы тела мои (ты знай!)

Были созданы, чтобы теснее к тебе прижаться...

На земле лишь один мне известен рай –

Где могли мы душами обнажаться... – зашептала Галя стихи Сергея.

– Господи, ты знаешь эти стихи? – Глаза Сергея увлажнились от волнения. Он выпустил изо рта сосок, взял в ладони Галино лицо и покрыл легкими, как крылья бабочек, поцелуями. – Богиня...

Сергей в который раз убедился, что эта женщина станет хорошей матерью его ребенку.

Галя хотела раскрутить Сергея на секс. Переспать с геем – весело. Ну разве не дура? Нечем бабе заняться? Проблем, что ли, больше нет? А в детдоме дети голодают. А в Москве после очередного матча футбольные фанаты мочат друг друга. Ну дура же! Нет. Просто поспорили с девчонками в гримерке, что она, Галина Дробышева, переспит с драматургом Сергеем Рудаковским.

Переспать с кем-то для такой красавицы, как Дробышева, дело плевое. Тут и спорить было бы нечего, если бы не одно маленькое «но». Все в театре знали, что Рудаковский гей. И не просто гей. А махровый. Все эти шарфики, платочки, колечки, плавность движений, бархатный тембр голоса, мальчишки-подружки. Такая нарочитая гомосексуальность. Да еще и ни разу за свой сорокет не был женат. И не планировал. Даже для вида.

И тут, улетаая в астрал, Галя зацепилась за последнюю оставшуюся в ее голове мысль: «Господи, как же целуются эти геи... Как? Родину продать! Вот...»

«Сиськи... Сиськи... И что мужики в них находят?» – думал в это время Сергей.

* * *

Секс был. Яркий, продолжительный, нежный. Два раза в неделю. Ужины в ресторане, все как положено. Рудаковский взялся вести Галин менструальный календарь и тихонько высчитывал день предполагаемой овуляции.

Гале снесло крышу. Глупое пари превратилось в чудесный роман. Ее самооценка, которая и до сего дня не бедствовала, просто покорила Эверест, ведь она, Галина Дробышева, доказала гею всю прелесть гетеросексуальных отношений.

Галя хвасталась в театре, как трогательно ухаживал за ней Рудаковский! Ни один мужчина в ее жизни еще не был так заботлив. Во-первых, Сергей заставил Галю бросить курить, во-вторых, не позволял напиваться, как в былые времена (и сам не пил, и Гале ничего, кроме бокала красного сухого, не разрешал), в-третьих, постоянно баловал экзотическими фруктами,

а в-четвертых, покупал одежду. Но в выборе одежды оказался полным профаном. Казалось, у Рудаковского был отменный вкус: он сам одевался безукоризненно. А Гале зачем-то стал покупать бесформенные балахоны, просторные сарафаны, будто ждал, что она станет толстой королевой. Цвета были удачными, но вот фасоны оставляли желать лучшего... Однако Галя, боясь обидеть любимого, изображала бурную радость на лице при виде каждой новой распашонки сорок шестого размера.

В театре сплетничали. Потом подутихли. История про возвращение блудного гея в гетеросексуальную обитель быстро перестала занимать народ.

Рудаковский всегда добивался поставленных целей. И на третий месяц романа Галя забеременела. Честно говоря, никак этого не ожидала и, узнав, испугалась, но, увидев горящие счастьем глаза отца будущего ребенка, успокоилась.

На радостях расписались. Честно говоря, Сергей не планировал всей этой кутерьмы – загс, белое платье, родственники... Но под напором Гали он сдался.

Так появилась еще одна семья. Не хуже и не лучше других. Зачали ребенка и расписались. Все просто.

Сергей водил жену на концерты, чтобы малыш слушал хорошую музыку, на выставки, читал растущему животу свои стихи. Он знал, что ребенок непременно станет великим художником или музыкантом. В крайнем случае поэтом. Он воплотит все, что не успеет воплотить в жизнь Сергей. Ведь у этого малыша будет высокий старт: особый круг общения, элитарный, творческий, правильная система ценностей, адекватная самооценка. Он даст ребенку все то, чего был лишен сам, – отцовскую поддержку, веру в себя и... материнское молоко. Молоко – это важно. В процессе кормления между матерью и малышом устанавливается особый эмоциональный контакт, который позволит ребенку чувствовать себя защищенным. Так считал Сергей. Сам он находился на искусственном вскармливании. Когда Сережа родился, его отец ушел к другой, оставив молодую жену с младенцем на руках. У матери после испытанного стресса пропало молоко. Сергей такого не допустит. Он будет с женой и в горе, и в радости... Он очень хочет этого ребенка. И его сын непременно станет великим.

Галя улыбалась таким рассуждениям мужа и мягко замечала:

– Я не хочу, чтобы он был идеальным. Пусть будет просто счастливым.

– Одно другому – не третье, – поправлял ее Сергей.

Бесформенные балахоны и просторные сарафаны вдруг стали актуальным трендом сезона. Они чудно садились на округлившийся живот, одновременно маскируя и подчеркивая особое положение Галины. Сергей берег ее как мог: не разрешал поднимать тяжести, выпивать, нервничать, задаривал цветами. Он так боялся потерять малыша, что практически отказался от секса с женой. Разве что иногда соглашался на минет.

Короче, обоюдное счастье было нечаянным и полным. Особенно когда УЗИ показало, что у Гали будет мальчик.

Рожать было решено по благу, чтобы о роженице хорошо позаботились. Родился сын. Назвали Рома.

* * *

Но во время родов что-то не заладилось, пошло не так. Врач испугался, стал делать какую-то интенсивную стимуляцию... А в результате мальчику поставили страшный диагноз – врожденный инфаркт-инсульт. Узнали об этом несчастье только через полтора года, когда родители свозили Рому на компьютерную томографию мозга в Москву. Глубокое поражение центральной нервной системы. Там в Москве им впервые сказали, что Рома не будет ни ходить, ни разговаривать и что его лучше сдать в специальное учреждение, заверяли, что он – асоци-

альный элемент и не принесет пользы обществу. А родители, ухаживая за ним, тоже пользу обществу приносить не смогут.

Галя нервно хватала ртом воздух и прижимала к себе сына.

– Никуда я ребенка не отдам!

Сергей сопел, размышлял о жизни, взвешивал непростое решение.

И тогда Галя спросила:

– Скажи мне, Серж, что ценного для тебя в том, чтобы быть отцом? Для чего тебе нужен родительский опыт?

– Я хотел передать ребенку все, что у меня есть, – знания, опыт, состояние, наконец...

– Глупости! Никто не заводит ребенка из желания передать ему что-то. Желание иметь ребенка иррационально и физиологично. Оно, как жажда, будет мучить, пока не утолишь. Я заглядывала во все коляски и хотела родить малыша, чтобы нюхать его кудряшки, вбирать в себя запах чистоты и ванили. Потому что быть матерью – это состояние медитации, это просветление, – заплакала Галя.

– Дура! Невыносимая дура! По-моему, передать знания, опыт и деньги – более вменяемое желание, чем нюхать кудряшки.

– Ты любишь меня?

– Идиотка, я никогда не говорил тебе, что люблю тебя! Ни-ког-да...

– А как же тогда понимать твои слова: «Я хочу от тебя ребенка! Я еще ни от одной женщины никогда так сильно не хотел ребенка...»?

– Так и понимать! Я хотел полноценного ребенка. Какое это имеет отношение к тебе? К любви? Мне просто нужна была мать для моего ребенка.

Только тогда Галя и узнала, что на самом деле не она была нужна Сергею, ее просто использовали, он хотел получить от Галины здорового и талантливого наследника, которым можно было бы гордиться. Ребенок-инвалид мало дает поводов для гордости.

Домой с Ромой на руках Галина возвращалась одна. Сергей остался в Москве строить карьеру. Во-первых, Серж давно мечтал о Москве. Не всю же жизнь оставаться драматургом для провинциальных театров и антреприз. Во-вторых, рассчитывать на передачу генов традиционным способом Рудаковскому больше не приходилось. Но у него оставался другой – более надежный и благодарный способ продлить себя в своих текстах. То, что его пьесы переживут века, Рудаковский даже не сомневался: иначе он просто никогда даже и Word бы не открыл. Теперь пьесы были его единственными детьми. А детей мало родить, ими нужно заниматься: их нужно воспитать, пристроить в театр с колоннами, организовать для них публикации, передать в хорошие руки известных режиссеров. А сделать это можно только в Москве. Возможно, бракованный человеческий детеныш был нужен Сержу лишь для того, чтобы в который раз осознать свое несемейное предназначение и уйти в мир творчества с головой. Так рассуждал Сергей, стоя на перроне, глядя на уходящий поезд, где в плацкартном вагоне на боковой полке тряслась с ребенком на руках Галина Рудаковская...

Галя отпустила мужа с облегчением: после рождения ребенка они плохо жили, часто ссорились. Особенно из-за того, кто виноват в болезни Ромы. Каждый мучился вопросом: «Почему это случилось с нами?» – и не находил ответа.

Эти ссоры выматывали. Они были бесконечными.

– Кому первому пришла в голову идея рожать по блату?

– Почему у этого врача?

– Почему именно в этой больнице?

– Какого черта в этом городе?

– Кто вообще рождает в этой стране?

– При такой экологии?

– В это время?

- У тебя наверняка генные отклонения...
- Зато ты психически здоровый – просто дурак на всю голову! Деревянный по пояс!
- Идиотка!
- Сам такой!
- И сам, конечно, debil, если решил зачать от тебя, истерички, ребенка!
- Не кричи на меня при сыне!
- Да он ничего не понимает!
- По твоей, кстати, милости!
- По твоей!

А потом плакали, обнявшись, от бессилия и обиды, как дети.

– Почему все-таки это случилось с нами? – И не находили ответа.

* * *

Когда Роме исполнилось два года, Галя пошла в загс, подала заявление и развелась. Сергей узнал об этом спустя два года, когда приехал на гастроли в родной город с московским театром, где устроился завлитом.

Галя надела свое лучшее платье и пришла на комедию по пьесе Сержа Рудаковского «Симулякры». Она знала, что тщеславный драматург будет в зале. Галя о многом передумала за эти годы. Она фантазировала, как Сергей будет искать ее глазами в зале, подойдет, виновато потупив глаза, коснется руки и спросит:

– Ну, как вы тут без меня? Трудно, наверное? Расскажи...

А она посмотрит проницательно, попробует взглядом до самого сердца и хмыкнет:

– Исчезают тут всякие на целую вечность, а потом «расскажи»...

Казалось бы, чего проще – возьми и расскажи. Но только про то, что болит, рассказать иногда труднее всего.

И тут Галя вспомнила, что за четыре с половиной года Сергей даже ни разу не позвонил ни на Новый год, ни на ее день рождения, ни на Родин. Видимо, все-таки он будет искать глазами. Но не ее. А скорее камеры местного телевидения и молоденьких корреспонденток... Или желчных толстозадых театральных критикесс Таисию Комонову и Нину Орлову, которые всегда скептически относились к его пьесам и писали ироничные, едкие обзоры. Или запойного режиссера Костю Мокина, который однажды в театральном буфете так напился за счет Рудаковского по случаю рождения и вручения режиссеру новой пьесы Сержа, что наблевал на эту самую свежую пьесу, а потом всем рассказывал, дескать, это и был самый искренний ответ графоману.

И все равно Галина знала, что встреча их состоится. Неминуем и разговор. Она хотела рассказать, что вместе с ребенком рождается мама, что у Ромы глаза ангела, что у нее замечательные подруги, а мать ее, Ромина бабушка, так вообще просто святая, что сама она, Галина, продолжает играть в театре, правда не часто и во втором составе, но все-таки не ушла из профессии, держит себя в форме, что у нее есть пара любимых ролей, таких, что закачаешься, и поклонники есть, конечно, и, когда она выходит на сцену вся такая стройная и юная, никому и в голову не придет, что у нее вообще может быть ребенок, тем более ребенок-инвалид...

Комедия шла. Зал смеялся и рукоплескал. Галя утирала слезы, потеряв еще в начале сюжетную нить, а в голове у нее, как пчелы, роились мысли: «Рома очень сложный ребенок. Я сама никогда точно не знаю, что он понимает, что нет. Приходится интуитивно догадываться, болит у него голова или зуб... Я не знаю, что он думает и как у него на душе. Наверное, не очень хорошо. Но бывают дни, когда он улыбается и светится, как солнышко... И ради этих дней...»

– Не злите меня, и так уже трупы прятать некуда! Шучу я, шучу, на самом деле мест полно... – пробасил со сцены усатый народный артист, и зал снова взорвался смехом и аплодисментами...

Недавно зашла к нам в гости знакомая со своей трехлетней дочкой, проносились мысли в Галиной голове. Девочка стала расспрашивать про Рому:

– Он что, говорить не умеет?

– Нет, не умеет.

– И ходить не умеет?

– Нет.

– И ничего не знает?

– Нет.

– Только какает?

– Даже какать не умеет. У него запоры.

– Так он, что ли, Незнайка?

– Точно, Незнайка. Реальный Незнайка.

На сцене действие начинало закручиваться в тугую спираль.

– Ты еще сомневаешься в том, кто отец? – подсказывала вокруг народного усача мар-тышка в амплуа травести и трясла перед его носом какой-то бумажкой.

– Что это? – кокетливо возопил артист.

– Это тест. Две полоски! – Актриса объясняла зрителям происхождение бумажки в ее руках.

«Кто решил, что жизнь полосатая? – думала о своем Галя. – Может, моя жизнь в горошек или в клеточку? Хотя я бы предпочла – в цветочек. Бывает, что все вполне благополучно, а настроение плохое. А бывает и наоборот. Как тут разобраться? Какая полоса?»

У Галиной жизни действительно была собственная уникальная окраска – от серо-буромалиновой до малиново-серо-бурой. В моменты самых больших потрясений с ней случались поразительные открытия, а яркие события порой омрачались неожиданными разочарованиями...

– Как дела? – спросил народный.

– Пока не родила, – отыграла репризу актриса.

Галя вздохнула: она уже родила.

«Меня часто спрашивают “как дела?” – Галя продолжала вести бесконечный разговор с воображаемым Сергеем, реальный прототип которого сидел где-то рядом, в темноте театрального зала. – Может и ответа знать не хотят. А спрашивают так, для проформы. А я задумываюсь: как же дела мои на самом деле? Наверное, плохо, – отвечаю, но без всякой уверенности. – Да, плохо, конечно плохо. Особенно в понимании врачей, людей, у которых полные семьи и здоровые дети, но... Я на самом деле не знаю, как у меня дела. Очень сложный вопрос. Лучше не спрашивайте. Настроение скачет. Минуту назад был восторг, а вот уже накрывает волной жестокая депрессия. Такая, что повеситься хочется. Я все время как будто под наркотическим кайфом. Психика совершенно неустойчивая. То расплачусь не по делу, то веселюсь, как сумасшедшая».

Постановка была современной по всем статьям. Во фривольности реплик и мате, звучащем со сцены, в костюмах, в декорациях, в работе художников по свету и звуку. Московское финансирование лезло из всех постановочных щелей и било в глаза провинциальной публике. Заработал проектор. На экране замелькали страны и города, символизирующие путешествия героев...

«Вот собираюсь с подружками в кино сходить. На комедию. Настроение себе поднять. И вдруг вижу на экране мамочку с коляской, со здоровым малышом, и в слезы. Ничего не могу с собой поделать. Вот не хочу плакать. Не планирую. А оно само собой получается. Все смеются,

а я реву, как дура. Подруг только пугаю. Вот и сейчас... – Галина снова утерла слезы атласным рукавом вечернего платья. – Или вдруг вижу человека: он в печали, лобовое бутылкой разбили хулиганы какие-то, отморозки. На BMW разбили, между прочим. Человек злится, чертыхается. А мне смешно! Ну разве это горе?

Или вот пример. Лежу дома. Отдыхаю. Все как я люблю. Разделась, растянулась на диване. Тепло. Плед набросила на себя. Для красоты. Потому что новый. Потому что недавно купила. На распродаже. За копейки сущие. Мимо пройти не смогла. А вообще, и не нужен был мне этот плед: батареи греют. А на улице-то не лето. Ночью мороз. Думаю, вот красота, хорошо-то как. И такое счастье на меня навалилось. Тепло мне. Тепло. Вода горячая есть. Телевизор работает, смотри что хочешь. Электричество есть, газ. Ну, родись я сто лет назад, да еще в какой-нибудь деревне, за водой бы пришлось ходить, за дровами. В туалет на улицу в валенках бегать.

У кого-то, – думаю, – сейчас жилья нет. А у меня двухкомнатная квартира, квартирища, можно сказать. И мама рядом под боком, помогает во всем – это же с ума сойти! Есть еда, есть одежда, много что купила и не ношу. Все проклятые распродажи! Бог послал это изобилие мне – песчинке – просто так. Не боролась, не старалась, с утра до ночи не вкалывала, лбом стены не пробивала. Жила, как жилось.

И кто-то еще наше время ругает. Что выпендриваться-то? По-моему, жить лучше, чем сейчас, уже и неприлично даже. Молодая, здоровая, красивая. Ну сын нездоров... Ну нездоров. Не может же прям везде все отлично быть. Ну инвалид. И инвалиды нужны. А чего не быть инвалидом в такое распрекрасное время? Государство не помогает? Но ведь и не мешает! Я могу заниматься с сыном, любить его, целовать, баловать, песенки ему – все, что захотим. Если задуматься, жизнь хорошая штука. А если не задумываться, так даже еще лучше.

Бывает и плохое настроение: мысли лезут нехорошие, усталость накопилась, от одиночества выть хочется, жалко себя и всех. Как я с этим борюсь? Да никак. Пиво пью. Не выход, конечно. Иногда тяжело себя заставить выйти с сыном на прогулку. Я до сих пор побаиваюсь прохожих. Взглядов, реплик, неадекватных реакций. Я не удивляюсь, когда встречаю недоброжелательное отношение. Просто в какие-то дни я бываю к нему не готова, не успеваю защититься, и тогда мне становится очень больно от одного взгляда или слова. Но так случается, слава богу, редко.

Короче, настроение мое – это качели – от счастья к несчастью, как пишут в учебнике по драматургии».

На сцене бегали, кричали, изменяли и убивали под веселую музыку.

– Настоящих мужчин украшают синяки на лицах их врагов! – стучал кулаками в грудь не в меру народный артист.

Рядом с Галей сидела семейная пара – толстый мужик и его розовощекая жена. Мужик похрюкивал. Жена повизгивала. Действо приводило их в восторг. Чем меньше на актерах оставалось одежды, тем больше накалялись страсти на сцене и в зале.

«Если ребенок болен, – рассуждала Галя, – значит, он еще больше нуждается в материнской любви и заботе. Он беспомощен и беззащитен, отдать его в детский дом – значит убить его. Некоторые считают, что всех больных и немощных надо отстреливать. Сегодня ты полезен, а завтра тебе на голову упадет кирпич, и если не прибьет сразу, то прямая дорога в специальное учреждение. Когда-то я и сама была уверена, что инвалиды рождаются только в семьях, где пьют-курят-матерятся. Людей в инвалидных колясках я видела редко и издалека и ничего, кроме брезгливости, к ним не испытывала. Я даже не задумывалась о том, что это – люди. Чтобы что-то понять, мне нужно было родить такого сына».

Полтора часа без антракта. Артисты вышли на поклон. Зал рукоплескал. Усатый народный крикнул:

– Автора!

Актеры подхватили.

Стройный, сияющий, в сиреновом бархатном пиджаке и голубых джинсах, впорхнул на сцену драматург Рудаковский. И Гале вдруг стал очевиден контраст ее нелепых замшевых сапог с белесыми следами от городской соли, рассыпанной по тротуарам, с гламурным и продуманным до деталей образом Сержа. И сразу стало понятно, что не будет никакого разговора. Не потому, что Серж против. Он не против. Просто нет потребности. О чем они могут говорить – два совершенно чужих человека?

«Надо было чаще ходить на физ-ру! Там учили прыгать через козлов», – вспомнила Галина слова подруги и стала пробираться к выходу. В проходе стоял счастливый, распираемый от гордости за сына отец Сержа. Он вдохновенно смотрел на сцену, и у Гали не было ни одного шанса быть узнанной. И все же она сунула в руки мужчине бумагу.

– Сан Саныч, передайте это Сереже.

Это было свидетельство о расторжении брака. А невысказанные слова застряли комом в горле. Комом обиды.

* * *

Галя обратилась ко мне, когда Роме было шесть лет. Ей жизненно необходима была помощь психолога. Но все же в тот момент, когда мы познакомились, в этой помощи она нуждалась уже не так остро, как пять, четыре, три и два года до нашей встречи. Просто все эти шесть лет она боролась не за себя. На себя она давно уже махнула рукой. И спасали ее только рисунки. Она рисовала фей и гномов, тяни-толкаев и нераскисай-веселяев, пеших аистов и летучих жаб, странствующие деревья и говорящие дома, женщин с солнцем вместо лиц и мужчин с большими сердцами... Она рисовала везде – на салфетках в кафе, в альбоме – дома, в фотошопе – в ноутбуке, в блокноте – в транспорте, в медкарте сына – в поликлинике (за что ей постоянно выговаривали врачи)...

Даже у меня на первом сеансе она постоянно царапала в ежедневнике какие-то цветочки-веточки и извинялась:

– Это просто нервное. Не знаю, куда деть руки.

Галя придумывала волшебные миры просто для того, чтобы выжить, чтобы не сойти с ума. Потому что реальный мир жесток и равнодушен. В этом мире у человека нет права быть слабым, больным.

– Я все время как будто извиняюсь перед кем-то невидимым за болезнь Ромы и за то, что я его мать, – сказала мне Галя в нашу первую встречу. – Раньше мне казалось, я знаю весь мир: я собирала его по крупичкам сыгранных мною ролей в театре. И от любви умирала, и стервой была, и Жанной д'Арк... А потом поняла, что по-настоящему я знаю только одно: как быть мамой ребенка-инвалида. Ребенка, который в свои шесть лет так и не научился ходить, разговаривать, держать ложку и понимать мои колыбельные, сказки... При каждом удобном случае он бьет себя по голове, по лицу. Если его вовремя не остановить, он может разбить руки или губы в кровь... Про то, что знаешь, рассказывать трудней всего. Но это невозможно носить в себе. Я покупаю книжки по так называемой позитивной психологии, учусь жить здесь и сейчас, радоваться мелочам, но все время чувствую себя виноватой...

– Стоп, стоп, девочка, – я прервала Галю, – книг о счастье сейчас море. Ими наводнены все полки магазинов. Но, как говорили в рекламе, не все йогурты одинаково полезны! И если, листая книгу, ты встречаешь через страницу странные, бездоказательные утверждения типа «Вы истинно счастливы каждую минуту вашей жизни; единственная ваша проблема в том, что вы не всегда это сознаете» или «Мощным лекарством является беззаветное стремление к счастью», – смело бросай эту книгу в корзину, но не потребительскую, а мусорную! Ибо такие книги накладывают запрет на признание несчастья как такового. Если тебе плохо, если

ты расстраиваешься и грустишь, значит, ты – последний лузер, неудачник и тебе не место в мире счастливых.

Но это не так! Счастье – не долговая повинность! Ты не обязана быть счастливой каждую минуту. Это просто, но это действительно так. Если тебе кажется, что ты несчастна, ты действительно несчастна. И это не плохо, не хорошо, не твоя беда, не твоя вина и не проблема – это ФАКТ. И он нейтрален. Ты имеешь право грустить, плакать, переживать, расстраиваться и вообще быть собой. Ибо прочие роли уже заняты.

Будь счастлива по собственному желанию. И поверь: у других жизнь не лучше! Просто большинство людей говорят, что они счастливы. Ключевое слово здесь – «говорят». Огромное количество людей утверждают, что очень счастливы в браке, при этом половина из них разводится. О чем это говорит? Они просто активно занимаются самообманом! Расслабься и будь счастлива по собственному желанию.

– Я стараюсь. Продолжаю работать в театре. По контракту. Во втором составе. И когда я репетирую или выхожу на сцену, с Ромой остается моя мама. Во дворе я «мать-героиня», хожу по улицам с инвалидной коляской, пугая прохожих. В театре – актриса, любитель выпить и погулять. Когда я на сцене, вряд ли кто-нибудь из зрителей вообще задумывается о том, что у меня есть ребенок. Мне нравится, что я могу примерять на себя разные роли. Если все время заниматься только чем-то одним, можно с ума сойти. Как говорится, лучший отдых – это смена деятельности. Хотя для меня лучший отдых – лежать на диване перед телевизором. Иногда обо мне пишут в газетах или приглашают сняться в какой-нибудь передаче. Везде твердят: какая вы правильная мама. Я злюсь: я неправильная мама. На меня равняться не надо. Я не верю, что можно вылечить моего ребенка. Уже не верю. Ромику шесть лет. Мы трижды были с ним в Москве, трижды в Казахстане, лечились у китайских врачей, в Питере плавали в дельфинарии, ездили по святым местам, жили в монастырях... Конечно, медицина не стоит на месте, но его болезнь прогрессирует. Она поражает мозг, те самые нервные клетки, которые не восстанавливаются.

Я слушала Галю и вспоминала слова Виктора Франкла: «Каждому времени требуется своя психотерапия». Я думаю, своя психотерапия требуется каждому клиенту. А в жизни все случаи единичны и по-своему уникальны и неповторимы.

Мы стали учиться с Галей играть в радость. Играть, отбросив чувство собственной вины и без обвинения других. Я подарила ей детскую книгу английской писательницы Элеонор Портер «Полианна». Это удивительная история девочки-сироты, умение которой при любых обстоятельствах радоваться жизни и видеть во всем хорошее помогало не только ей самой, но и окружающим ее людям.

Когда Галя прочла «Полианну», она призналась мне, что все эти годы постоянно пролистывала в голове «фотоальбом виновных»:

– На первой странице, конечно, красовалась я сама. Потом был снимок доктора, который делал мне стимуляцию во время родов, потом, само собой, фото Сержа, его родителей, дальше – фото других обидчиков – врачей, чиновников, соседей. Но самое страшное – среди виновных было фото Ромы. Он был виновен в том, что родился. И даже если я говорила себе «я счастлива!», меня все равно мучили вопросы: «За что? Почему это случилось со мной? В чем смысл?»

– А что сейчас?

– Сейчас я могу ответить насчет смысла. Он есть. Если несколько человек на этой земле стали добрее, научились любить, поверили в Бога – это ли не смысл? У Ромы глаза ангела. Все, с кем мы так или иначе общаемся, сталкиваемся по жизни, становятся светлей, по-другому начинают относиться к собственным проблемам, к своим детям.

– Милая моя девочка, смысл жизни – разный у каждого человека. Глупо говорить о смысле жизни вообще, но важно обрести смысл в каждый конкретный момент. Это все равно,

что спросить шеф-повара: «Какое кулинарное блюдо самое лучшее в мире?» Да никакое. Кто-то любит ананас, кто-то – свиной хрящик. Да и вкусы одного и того же человека меняются не просто на протяжении жизни, а прямо-таки на протяжении одного дня: утром хочется кофе, в обед – супчика, а вечером – красного сухого и шашлыка. Эта аналогия верна для человеческой жизни в любой ее сфере. Особенно в родительской.

Ребенок – это как татуировка на лице. Всерьез и навсегда. Быть матерью – большая ответственность. Особенно трудно тем, кто хочет за свое материнство получать своеобразный гоно-рар – уважение, заботу, любовь, короче, тот самый пресловутый «стакан воды». Рассчитывая получить все вышеперечисленное, родитель остается в проигрыше, он всегда чем-то недово-лен: то ребенок не так талантлив, то не так умен, то не так красив, то не на того похож, то не слишком благодарен, то не слишком успешен, то слишком мало уделяет родителям времени, то занимается не тем делом... Родительскую психику разрушает несоответствие желаемого с действительным. А если ребенка принять как дар и просто любить, то жизнь обретает смысл даже в самой безнадежной ситуации, которую невозможно изменить. В такой, например, как неизлечимая болезнь.

– Я слушаю вас и чувствую себя ребенком. Девочкой. Все в моей жизни происходит как-то само собой, случайно, за компанию, не всерьез. Я никогда не ставила перед собой опреде-ленной цели, например стать актрисой. В театральную я пошла поступать за компанию с подру-гой. Не готовилась совершенно. Подруга провалилась, а меня взяли. Роман с Сергеем завела на спор, на «слабо». Забеременела случайно. Рожала радостно... Хотя я очень уважаю тех людей, которые знают: до двадцати двух я учусь, потом выхожу замуж, потом делаю карьеру, в два-дцать шесть покупаю квартиру, потом рожаю... А я вот не знаю, куда меня завтра занесет, в какую сторону качнет... Но сейчас я действительно учусь принимать все, что со мной проис-ходит, как чудо, и верю, что это к лучшему. Еще мне кажется, меня ведет Рома.

– А что сейчас происходит в твоей личной жизни? И есть ли она вообще? Я имею в виду, есть ли у тебя на примете мужчина, который готов заботиться о тебе и сыне? Или все они боятся ответственности?

– Обвинять мужчин в том, что они боятся ответственности, не стану. Некоторые боятся, некоторые нет, от человека зависит. Я сама много боюсь. И ответственности тоже. Очень боюсь привести в дом нового человека. Но я влюбчива, и, конечно, какие-то романы случались. И вот что я скажу. У моих мужчин с моим сыном отношения были всегда самые хорошие. Если мужчина любит, он ничего не боится, ни ответственности, ни инвалидности.

Сейчас я одна. Я не знаю, какой мне нужен человек и где я его встречу, но уверена, что встречу обязательно. Я очень хочу создать семью, родить хотя бы еще одного ребенка.

* * *

На следующую консультацию я попросила Гаю принести с собой ее лучшую фотогра-фию. Ту, где она нравится себе, выглядит счастливой, красивой. Галя выполнила мою просьбу. Я положила перед ней женские журналы, туристические каталоги, рекламные проспекты, открытки, клей, ножницы и чистый лист бумаги...

– Давай составим твою личную «карту сокровищ»!

– Для чего?

– Карта – своеобразная визуализация твоих надежд. Будешь на нее смотреть и вдохнов-ляться.

– Согласна! – Галя уже листала проспекты.

– Возьмем лист А4 – он символизирует чистое поле твоей новой жизни, и наклеим на него картинки из гляцевых журналов – все то, что бы ты хотела иметь в своей жизни. Мужа,

толстошекого карапуза, работу, где можно показывать наряды, личное авто, квартиру, дачу и прочие причиндалы видимой успешности... Что у тебя в приоритете?

– Я нормальный человек и хочу нормального человеческого счастья, – Галя вырезала картинки. – Я не сумасшедшая, чтобы стремиться к болезням, одиночеству и нищете. А моя фотография зачем?

– Она – центр твоей «карты сокровищ». Или ее вершина. Как захочешь. Этот мир существует, только пока в нем есть ты. Ты уйдешь, и свет твоего мира погаснет. Так что ты и есть главное сокровище своей карты.

Галя наклеила свое фото по центру, а вокруг разместила изображение привлекающих ее объектов – широкоплечий мужчина с малышом на руках, вечернее платье, машина, дом на море. Она наклеивала картинки и комментировала:

– Это счастье – когда рядом любимый муж и здоровенький карапуз. И работа с нарядами (а то на каблуках выйти некуда). Отпуск у моря – отлично. Я очень люблю море, а Рома там просто балдеет, мы ездили на юг дважды, у него даже акклиматизации не было, ему нравится качаться на волнах в надувном круге и в тенике нежиться. К сожалению, мы уже несколько лет не можем туда поехать, с ним тяжело, и совсем одна я уже не справлюсь. Я знаю, я очень сильная, но не настолько. А на то, чтобы взять с собой маму или нянечку, денег я пока не заработала. Автомобиль – это не роскошь, а средство передвижения. И дача пусть будет. Для мамы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.